

INSPIRIA

Наташа Бэйч

Убийство под елочкой

Серия «Tok. Рождественские убийства»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74704866
Бэйч, Наташа. Убийство под елочкой: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256779-7

Аннотация

Для поклонников «Белого лотоса», «Достать ножи» и всех, кому хоть раз хотелось придушить кого-нибудь за рождественским обедом.

Оливия мечтала лишь об одном – в последний раз пережить это невыносимое Рождество в кругу ужасной родни мужа, прежде чем уехать с ним в Австралию. Но она никак не ожидала, что праздник обернётся убийством.

Снег отрезает дом от внешнего мира, и Оливия оказывается заперта в старинном загородном особняке вместе с всё более невыносимыми родственниками… и растущим подозрением, что кто-то методично убирает их одного за другим.

Трупов становится всё больше, праздничный лоск стремительно трещит по швам, и теперь Оливии нужно любой ценой пережить праздники – или хотя бы дотянуть до обеда, не дав никому ещё подавиться брюссельской капустой.

«Таких книг, как эта, не так уж много… Отдельное удовольствие – наблюдать, как растёт число трупов, уверенно выходя за пределы хорошего вкуса и здравого смысла». – IRISH TIMES

«Преподносит больше сюрпризов, чем коробка рождественских хлопушек, и является идеальным подарком для любителей мрачных и остроумных детективов об убийствах». – ФИОНА ЛИ, автор

Содержание

Пролог. Заверения и обвинения 6
Глава 1. Еду домой прямо к катастрофе 14
Глава 2. Безделушки, банты и потаенные обиды 29
Глава 3. Отрицание и «Дом Периньон» 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Наташа Бэйч
Убийство под елочкой

Natasha Bache
Twelwe Ways to kill your Family at Christmas

© Иллюстрация на переплете Ирины Хомерики
© Шлапаков Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается Стюарту, Эрин и Магнусу

Пролог. Заверения и обвинения

Глубокий вдох. Выдох. Нужно успокоить нервы. Снова мысленно повторяю свои аффирмации, словно пытаюсь убедить саму себя: *ты любима, тебе нечего скрывать, ты в безопасности*. Насчет безопасности вопрос, конечно, спорный, учитывая, что меня сейчас обвиняют в том, что я хладнокровно совершила череду жестоких убийств и отправила на тот свет десять родственников мужа. Конечно, я иногда представляла, как засовываю причиндалы Тристана в мясорубку или избиваю близняшек так, что они буквально молили бы меня о пощаде. Но как кто-то мог подумать, что я действительно могла это сделать? Ума не приложу.

Шеф полиции – старший инспектор Рэндольф – нажал кнопку на диктофоне, чтобы начать официальный допрос. Я

откашлялась и попыталась было сглотнуть, но язык внезапно огрубел и перестал меня слушаться. Потянувшись за стаканом воды, я с треском провалила попытку казаться спокойной – дрожь в руках унять не удалось. Я уставилась на детектива, решив не отводить от него глаз ни на минуту, тем самым доказывая свою невиновность.

– Этот допрос фиксируется на пленку и может быть использован в качестве доказательства в случае, если ваше дело будет передано в суд. Мы находимся в комнате для допросов в полицейском участке Шрусбери. Дата: второе января две тысячи двадцать шестого года. Время по моим часам: четырнадцать часов тридцать четыре минуты. Я – шеф полиции Лейкит Рэндольф, со мной – сержант-детектив Хелен Берч. Мы начинаем допрос.

Я кивнула, улыбаясь с максимальным энтузиазмом. Рэндольф и Берч должны увидеть, насколько полезной я хочу быть и насколько невиновной являюсь. Однако эта маска грозилась слететь с моего лица в любой момент. Шесть часов, которые я провела в полицейском участке, меня порядком измотали. Мой адвокат, от пиджака которого за километр несло нафталином, ерзал на стуле рядом со мной, изредка поправляя пах. Надеясь никому не показать своего раздражения, я сжала ладони в кулаки на коленях под столом.

– Пожалуйста, расскажите еще раз, каков был порядок ваших действий, совершенных утром пятнадцатого декабря

две тысячи двадцать пятого года. Опишите, где были вы и члены вашей семьи и что конкретно вы делали тем утром, когда Джордж Вайс упал с крыши.

Я постаралась устроиться на стуле поудобнее.

– Как я вам уже говорила, детектив, было где-то десять или одиннадцать часов утра, точно не помню. В тот день я встала рано. Знаете, я люблю поплавать в бассейне с утра пораньше, еще до семи… В общем, после душа я пошла на кухню, съела гранолу и банан. Все остальные еще спали.

Мозги кипели. В голове все перепуталось. Столько всего произошло, столько смертей случилось… События того дня утекали из памяти, как вода сквозь пальцы. О каком из убийств вообще идет речь?

– Что насчет времени совершения убийства? Где вы были в тот момент?

– Я не знаю, мы все были дома, а затем я услышала крик. Скорее всего, я была на кухне… да, точно, на кухне. Он упал с крыши. Все это выглядело как несчастный случай, – сказала я.

– Вы были на кухне поместья Вайс?

– Да… нет.

Мои пальцы потянулись к вискам, и я начала их тереть. Это просто невозможно. Должно быть, у меня сильный шок. А может, я ушла в тотальное отрицание, потому что ничего не помню.

– Вы были одна?

– Да. Рядом никого не было, и я не знаю, где они были. Но затем я услышала какое-то странное жужжание, оно даже показалось мне забавным. Затем, на мгновение все лампы в доме загорелись чуть ярче, чем обычно, а затем свет повсюду погас. Внезапно все вырубилось. Потом я услышала… шум снаружи.

Рэндольф наклонился вперед, его усталые темные глаза пристально разглядывали меня.

– И что именно вы услышали?

– Крики. Кто-то кричал, звал на помощь. Сначала я подумала, что, может, кого-то сбила машина на улице.

– А потом?

– А потом я выбежала из кухни в прихожую. Половина родственников уже была там, когда я открыла входную дверь. – На этот раз я не смогла скрыть, насколько сильно дрожит моя рука, когда я потянулась за своим стаканом. Я осушила его одним глотком. – К тому времени солнце уже полностью взошло. – Мой голос, прозвучавший в моих ушах, стал казаться невероятно далеким. – Я помню это, потому что поднимался пар… Было холодно, понимаете? Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, кто там лежит. У него волосы были всклокочены. – Я подняла руки, чтобы показать, как это выглядело. Мой голос дрожал от волнения. – От него валил дым, и он как будто… шипел. Потом я заметила, что у него нога вывернута под очень странным углом, а от него шел запах гари… Простите.

– Неужели так необходимо проговаривать все это еще раз? – включился в диалог адвокат. – Моя клиентка устала.

Рэндольф вздохнул и многозначительно взглянул на Берч. Без лишних слов она встала со стула и немедленно вышла из помещения.

– Позвольте отметить, что сержант-детектив Берч покинула комнату для допросов, – сказал Рэндольф под запись и продолжил говорить. – Как вы, несомненно, знаете, вам не удалось предоставить нам ни одного убедительного алиби. Ни один человек не смог подтвердить ваше местонахождение на момент смерти не одного, не двух, не трех, а целых десяти членов вашей семьи.

– Да, я в курсе, – ответила я немного резко, протирая сухие глаза. Как будто я не знала о том, что произошло всего неделю назад. Он мог обойтись и без драматических преувеличений.

Дверь открылась, и Берч вошла обратно. В руках она сжимала нечто похожее на прозрачный пакет с зип-локом, в которые обычно кладут сэндвичи с собой.

– Фиксирую факт того, что детектив-сержант Берч вернулась в комнату для допросов, чтобы передать вещественные доказательства номер двести семьдесят девять, собранные первого января. В пакете с вещественными доказательствами находится небольшой черный блокнот.

Рэндольф кивнул Берч в знак благодарности, она вновь села рядом с ним. Он поднял пакет на уровень глаз.

– Вы узнаете эту вещь?

Мне пришлось прищуриться. В своей жизни я видела немало маленьких черных блокнотов, поэтому сказать что-то конкретное оказалось трудно.

– Нет… то есть да, я видела подобные блокноты, но у меня сейчас такого нет.

Он раздраженно вздохнул, явно посчитав мой ответ уклончивым. Он достал тонкую коричневую папку, вытащил из нее два листа бумаги и положил передо мной.

– Для удобства записи я сейчас показываю фотокопии содержимого блокнота, предположительно, записей из дневника, датированных периодом с двенадцатого декабря две тысячи двадцать пятого года по двадцать четвертое декабря две тысячи двадцать пятого года. – Он постучал длинным пальцем по сероватым фотокопиям. – Вы узнаете этот почерк?

– М-м-м… – промямлила я. Эмоции сдерживать стало еще сложнее.

– Совсем не узнаете?

Он вытащил мои свидетельские показания и положил бумаги рядом. Почерк был поразительно похож на мой: такие же массивные заглавные буквы, небрежно выведенные синей шариковой ручкой. Разве что хвостик буквы «у» в некоторых записях дневника отличался – он был слегка изогнут, тогда как у меня он всегда был направлен прямо вниз.

Я перевела взгляд на своего адвоката. Он с интересом ковырялся в своих ногтях.

– Это возмутительно! Говорю вам, я к этому не имею никакого отношения. Кто-то пытается меня подставить! Какой у меня может быть мотив для убийства всей моей семьи?

Это звучало настолько нелепо, что я чуть не рассмеялась.

– Именно это я и хочу выяснить, – со всей серьезностью сказал Рэндольф.

– Это что, какая-то шутка? – вспыхнула я. – Вы думаете, я такая идиотка, что оставила бы такую важную улику просто валяться где попало?

Рэндольф ничего не ответил, выражение его лица было суровым и непоколебимым.

Ксерокопии, лежащие между нами, слегка вибрировали на столе от того, как дрожали мои ноги. Я украдкой скользила взглядом по неразборчивым строчкам.

12 декабря 2025 года

…розовые, синие, красные, желтые… Он вцепился в провод гирлянды… от него летели искры… Но не это его убило, однозначно нет…

Я пробежала глазами по еще одной записи.

14 декабря 2025 года

Клянусь, я точно срублю это дерево. Оно ждало этого лживого, подлого изменщика слишком долго…

– Нет, это не мой почерк, – отрицаю я. – Я этого не писала.

Адвокат откашлялся, поправляя очки пальцем с обгрызенным ногтем. Он наклонился ко мне и начал шептать на ухо. Его дыхание, словно горячий кофе, было приторным.

– Если вы не можете предоставить алиби, – сказал он, обращаясь ко мне, но глядя на Рэндольфа, – возможно, вам следует рассмотреть преимущества сотрудничества с полицией. В этом случае к вам отнесутся гораздо снисходительнее.

Эта неуклюжая пародия на мужчину начала меня бесить.

– Клянусь вам, я этого не делала!

Глава 1. Еду домой прямо к катастрофе

Виды сельской местности Шропшира пролетали мимо меня бесконечным потоком, пока Майлз выкручивал на максимум громкость магнитолы, из которой Крис Ри пел свою песню «Еду домой на Рождество». Я откинулась на сиденье и повернула голову, чтобы посмотреть на реакцию детей. Каллум предсказуемо сидел в наушниках, а Марта смотрела в окно с хмурым выражением лица, на котором явно читалось раздражение.

«Не могу дождаться, чтобы увидеть эти лица», – пел голос Ри из колонок. Это безусловно была отличная песня, но никто в машине, даже Майлз, не разделял этого восторга от будущей встречи с родными.

Майлз поймал мой взгляд. Я положила ладонь ему на ногу, слегка сжав. Все будет хорошо. Если мы покорно склоним наши головы и не поддадимся на провокации, несомненно ожидающие нас в доме родственников, то сможем спокойно пережить следующие две недели, а затем, еще долго не увидим семейство Вайсов. В январе мы переезжаем в Австралию. От мысли о том, что семейка Майлза больше не будет вторгаться в нашу жизнь, меня переполняла радость, а лицо расползлось в улыбке.

– Ты выглядишь подозрительно счастливой для женщины, которая вот-вот войдет в дом моих родителей и будет вынуждена провести в нем две недели, – сказал Майлз, не забывая смотреть на дорогу.

– Просто думаю об Австралии, – просияла я. – Солнце, серфинг и суши. М-м-м!

Майлз фыркнул от смеха. Повернув направо, он проехал через огромные кованые ворота. Лицо Марты стало еще мрачнее от жалости к себе. Мы с Майлзом не хотели лишний раз заговаривать об Австралии в ее присутствии. Дело в том, что у дочери появились первые серьезные отношения, и она совершенно ясно дала понять, что переезжать никуда не хочет.

Внушительный особняк в георгианском стиле с каждой секундой становился все ближе. На длинной подъездной дорожке под шинами захрустел гравий. Пробившийся сквозь облака яркий луч солнца осветил золотистый фасад дома, за-

ставил стекла в окнах заблестеть на мгновение, прежде чем облака снова отвоевали себе господство на небе. Короткий миг австралийской радости испарился так же быстро, как и появился. Я почувствовала, как сжался желудок.

– Ну вот мы и приехали, – пробормотал Майлз и сжал руль так, что костяшки пальцев побледнели. – Серьезно, я знаю не так много женщин, которые смогли бы прожить восемнадцать лет с моей безумной семьей. Не могу поверить, что ты вообще согласилась выйти за меня замуж.

– Что ж, когда мы впервые встретились, я подумала, что ты красавчик, и к тому же богач. А потом ты заманил меня в ловушку, обрюхатил и взял меня в заложники при помощи вот этих двоих, – поддразнила я его. – Может, мы твой утешительный приз за то, что тебе пришлось терпеть их всю жизнь?

Майлз оглянулся назад, быстро посмотрел на детей и перевел взгляд на меня:

– Как думаешь, еще не поздно попробовать сдать их обратно в роддом?

– Эй! – обиженно взвизгнула Марта и легонько шлепнула отца по затылку. Майлз захихикал.

Каллум наконец-то снял наушники, присоединившись к нашей шутливой беседе.

– Как вы думаете, бабушка подарит нам что-нибудь стоящее на Рождество? – сказал он, пристально уставившись на приближающийся особняк Вайсов.

– И что же такое «стоящее» ты рассчитываешь получить от нее? – спросила я его.

– Ну, например… Помните, я просил у вас денег на новую диджейскую установку?

– Кэл, не надейся, бабушка точно не даст тебе денег, – отрезал Майлз. У нас было уже слишком много разговоров на эту тему. – Ты же ее знаешь, она свято верит, что деньги не могут быть хорошим подарком для родных.

Каллум проворчал что-то невнятное, но его мысль я успела уловить: *какой тогда смысл во всем этом?* И если честно, спорить с этим я бы не стала. Эти люди были богаче, чем Господь Бог, однако это не мешало нам подъезжать к их дому на машине, купленной десять лет назад, с трещиной на лобовом стекле, которая в любой момент грозила расползтись до неприличных размеров.

Автомобиль затормозил у главного входа в дом, и я мельком увидела, как в одном из окон передней гостиной колыхнулись шторы. Сомнений быть не может – наверняка тетушка Клементина заседает на своем привычном посту, выглядывает из-за угла и передает наблюдения своему мужу Фергюсу, дяде Майлза: время нашего прибытия, на какой машине мы приехали, факт нашего существования…

– Я хочу рассказать им о своем парне, – сказала Марта с вызовом.

– Нет, милая, пожалуйста, умоляю тебя, не надо, – взмолилась я. – Давай просто тихо переживем этот визит, пусть

он пройдет как можно более гладко.

Брови Марты изогнулись, рот исказился, и я поняла – она сейчас будет спорить.

– Ты меня стыдишься, да? Тебе стыдно, что я встречаюсь с арабом? – Тон ее голоса начал повышаться.

– Нет, конечно нет, ни в коем случае! – успокоила я ее. – Ты же знаешь, нам нравится Карим, просто…

Я взглянула на Майлза в поисках поддержки. К счастью, просить его даже не пришлось.

– Милая, ну ты же знаешь, какие они, наши родственники, – мягко сказал он. – Мы просто не хотим добавлять тебе лишней головной боли. К тому же, скажи честно, ты действительно хочешь, чтобы они были в курсе подробностей твоей личной жизни?

В глазах Марты все еще читались бунтарские настроения.

– Мне не стыдно за мой выбор, и я не буду притворяться только для того, чтобы угодить им, – скрестив руки на груди, произнесла она.

– Мы и не требуем от тебя этого, – согласилась с ней я. – Мы очень гордимся тобой, просто стараемся сгладить острые углы…

Марта в ответ на мою фразу закатила глаза.

Не успели дверцы нашей машины открыться, как массивная дубовая дверь немедленно распахнулась, и на крыльце очутилась Джинни – мать Майлза. Ее изысканный рождественский свитер из кашемира сверкал так же ярко, как и

серьги в ее ушах. Готова поспорить, они стоят в разы дороже нашего ежемесячного платежа по ипотеке. Короткие седые волосы Джинни всегда были тщательно уложены, словно ей каждое утро делали профессиональную укладку в салоне красоты.

– Готова? – зловеще прошептал Майлз.

– Вообще нет, – ответила я, сделав глубокий вдох и приготовившись нацепить самую милую из своих улыбок, прежде чем выйти из машины.

– Майлз! – буквально пропела Джинни, а ее голос разнесся по всей территории. – Обед уже на столе! Вы же должны были приехать к часу, так?

– Пробки, мам, – ответил он, обогнув машину и поднявшись по каменным ступеням навстречу ей. Она намеревалась поцеловать его прямо в губы, но он ловко увернулся, быстро поцеловав ее в щеку.

Из-за спины Джинни мелькнула бежевая шерсть. Золотистый ретривер по кличке Глория выскочила из дверей, виляя пушистым хвостом, сверкая карими глазами и высунув язык. Майлз наклонился, прижался лбом к ее мордочке и нежно почесал за ушами. Хоть кто-то в этом доме был искренне рад нас видеть.

Я поднялась по ступеням, Каллум и Марта шли за мной следом с неохотой, какую можно заметить у заключенных, идущих на встречу с виселицей. Я ощутила на себе взгляд Джинни. В нем мелькнуло не-одобрение, но ее улыбка, тем

не менее, не дрогнула. Свекровь избегала общения со мной с тех пор, как Майлз рассказал ей о нашем переезде в Австралию. По официальной версии, мы переезжали из-за более выгодной работы для Майлза, но она ясно дала понять, что считает меня полностью виноватой в этом.

– Оливия, дорогая, – сказала она, поцеловав меня в щеку.

– Рада тебя видеть, Джинни, – ответила я, заключив ее в неловкие объятия. – Как всегда прекрасно выглядишь.

– Твои волосы выглядят иначе, ты сменила прическу? – спросила она. Внезапно она сместила фокус внимания на Каллума и Марту.

– Нет, вроде бы нет, – неуверенно сказала я, пытаясь вспомнить, действительно ли я меняла прическу с тех пор, как она меня видела в последний раз. У меня натуральные светлые волосы, всегда средней длины. Я слишком поздно поняла, что на самом деле она хотела сказать: «Значит, все с той же старомодной прической?»

– Потрясающе вкусно пахнет, – подметила я, переступая порог и входя в величественный холл. Запах мясного жаркого незамедлительно ударил мне в нос, перемешиваясь с ароматом «старых денег» и антикварной мебели. Из столовой доносились голоса. Такие же звуки обычно можно услышать из улья, который для себя облюбовали шершни.

Джинни суетилась вокруг детей, пока Майлз направился к машине за нашими сумками.

– Не надо, дорогой, – махнула рукой Джинни, останавли-

вая его, – миссис Харлоу позаботится об этом позже.

Миссис Харлоу – многострадальная экономка семьи Вайс. По крайней мере, было приятно увидеть хотя бы одно лицо, чье дружелюбие по отношению к нам не вызывало сомнений.

– Две недели, две недели, две недели, – бубнила я себе под нос, пока мои ноги шагали по черно-белой плитке, приближая к той самой зловещей столовой.

Господи, две недели – это ужасно долго. Триста тридцать шесть часов, если быть точной. За это время может произойти многое. Очень многое.

Как только я переступила порог двойных дверей, громкий смех дядюшки Фергюса, пронзительный голос тетушки Клементины и слабый голос бабушки Тутс внезапно оборвались – все обернулись, чтобы посмотреть на меня. Джордж, отец Майлза, почти никогда не разговаривал, и сегодняшний день не стал исключением. Он лишь поднял бокал в знак приветствия и коротко кивнул мне.

Огромных размеров дубовый стол от края до края был заставлен тарелками с едой, которой бы хватило, чтобы накормить небольшую роту солдат: ростбиф, йоркширский пудинг, горы жареных овощей и большие соусники, от которых валил пар.

– А вот и она! – радостно взревел дядя Фергюс, его щеки раскраснелись, как свекла. – Оливия, ты как всегда очаровательна.

Он встал со своего места и набросился на меня с крепки-

ми объятиями, поцеловав в щеку. Меня моментально окутало сильным запахом алкоголя. Я раскраснелась и улыбнулась.

– Достаточно, Фергюс. Поставь бедную девочку на место, будь добр, – сказал мой свекор с другого конца стола.

– Всем привет! Рада всех видеть, – поприветствовала я всех с улыбкой «самой милой девочки на свете».

– Ну что, к Рождеству уже все готово? – спросила тетя Клементина, бросив на меня оценивающий взгляд.

– Мне кажется, нам необязательно что-то готовить, разве нет? – ответила я, присаживаясь на ближайшее свободное место. – У Джинни все и всегда под контролем, военные бы позавидовали.

Это должно было прозвучать как невинная шутка, но получилось немного более жестко, чем хотелось изначально. Вот вам и «самая милая девочка на свете». Повезло, что семейство сосредоточилось на Майлзе и детях, которые только что зашли в столовую. Марта все время дергала себя за рукав толстовки и выглядела еще более раздраженной, чем когда-либо. Каллум, в свою очередь, не удосужился даже на секунду высунуть нос из своей игровой приставки. Они сели между Фергюсом и Клементиной, которые настолько ненавидели общество друг друга, что никогда не сидели вместе за одним столом.

Прабабушка Тутс сидела на своем месте, оглядывая появившихся родственников поверх очков, пока они рассажи-

вались за столом. Решив не разменяться на приличия стандартной светской беседы, она сразу перешла к делу.

– Я слышала, вы покидаете нас и уезжаете в Австралию.

– Да, бабушка, – ответил Майлз. – И мы все в предвкушении. Это отличная возможность для нас.

– Ясно. А что насчет твоих писулек, Оливия? Ты ведь так и пишешь свои похабные романчики? Твой издатель не против такого творчества?

Ее пронзительные голубые глаза были устремлены на меня. Марта поперхнулась водой, которую пила из стакана. Моя рука остановилась на полпути к тарелке с йоркширским пудингом.

– Я могу писать свои романы даже в Австралии, это не проблема. На самом деле это идеальное место для писательства, – ответила я, стараясь звучать дружелюбно. – А со своим редактором я могу спокойно общаться через «Зум». Если честно, разницы я вообще не почувствую, сейчас у меня происходит точно так же. Разве что я, наверное, почаще буду выходить наружу. Буду вести более активный образ жизни, это, несомненно, пойдет мне на пользу.

Мне кажется или наша беседа уже покатилась в пропасть? Не исключено.

– Бабушка, Оливия пишет ромэнтези. Романтическое фэнтези, если точнее. Это немного другое, – вежливо обратился к ней Майлз.

– Я лишь повторяю то, что мне рассказывала Джинни. –

Губы Тутс игриво растянулись в улыбке, когда она разрезала говядину.

Я почувствовала, как Майлз под столом сжал мою руку. Старается поддержать.

– А что такое ромэнтези? Я о таком никогда не слышала, – отозвалась тетушка Клементина.

– Это фэнтези, в котором романтическая сюжетная линия является центральной, – вклинилась в разговор Марта, чем вызвала язвительный смешок у Тутс.

– Это что ж получается? Глупые вымышленные существа влюбляются и тому подобное?

– Да! – выпалил Фергюс. – Однако это гораздо лучше! Там огромные мускулистые мужчины с заостренными ушами делают всякое разное с великолепными молодыми женщинами с огромной грудью и тонкой талией.

Расхохотавшись, он запрокинул голову, и все вокруг увидели, что у него во рту остался не пережеванный кусок мяса. Марта выглядела глубоко шокированной, а Каллум бросил на дядюшку испепеляющий взгляд. Фергюс повернулся ко мне.

– Последняя книга мне безумно понравилась, – отметил он и подмигнул. Я перевела глаза на Клементину как раз в тот момент, когда она посылала в мужа самый убийственный взгляд из всех, что я когда-либо видела.

В столовую вошла Джинни. Услышав тему нашего разговора, она тут же нахмурилась, а ее губы превратились в тон-

кую горизонтальную линию.

– Раз уж мы заговорили о мускулистых мужчинах и соблазнительных молодых женщинах, уверен, что ты, парень, собираешься посетить знаменитые австралийские нудистские пляжи, не так ли? – повернулся дядя к Каллуму. – Получишь настоящее удовольствие! Я бы точно первым делом туда побежал.

Он так сильно толкнул Каллума локтем, что приставка выпала у него из рук и с грохотом упала на пол.

– Фергюс, хватит уже, – сказал Джордж, многозначительно взглянув на брата.

Мой нож громко скрипнул по праздничному фарфору, когда я разрезала кусок мяса, которое мне положил Майлз.

– А где Мими, Тристан и близнецы? – спросила я, спасая Каллума от внезапного приступа смущения. Он поднял с пола свой «Нинтендо Свитч» и посмотрел на нас с Майлзом так, будто это мы виноваты в том, что он его уронил.

– Они прибудут сегодня вечером, – прощебетала Джинни. – Тристан буквально на днях купил новую машину. Просто роскошная! Скажи, Джордж?

Тот в ответ положительно буркнул.

– По-моему, «Ауди» премиум-класса, я права, Джордж?

По Майлзу словно прошла волна напряжения. Теперь мой черед его успокаивать.

– Дела в компании идут отлично, – обратилась Джинни к Клементине. – Он только что получил очередное повышение

и новую служебную машину. Джордж, не забудешь поговорить с Тристаном до того, как Арти приедет к нам?

– Да-да, – вздохнул свекор. Со стороны казалось, что он окончательно сдался напору жизни, точнее, своей жены, приглаживая свои жесткие усы и пренебрежительно махнув рукой.

– И еще я просила тебя повесить гирлянды снаружи. Несколько раз тебе говорила. Я очень хотела, чтобы они были повешены к тому времени, как приедут Майлз и дети, – пожаловалась она.

– Знаю, – сказал он сквозь стиснутые зубы. – Я сказал, что сделаю это утром.

Джинни повернулась к нам с улыбкой.

– У меня запланировано кое-что совершенно особенное на наш первый вечер, вас ждет сюрприз!

Марта наклонила голову, ее волосы упали на плечи каштановой волной.

– Неужели будет детективная вечеринка?

Джинни от неожиданности изменилась в лице.

– Э-э, да, собственно, она самая. Откуда ты это знаешь?

Мы с Мартой обменялись многозначительными взглядами. Я еле удержалась от того, чтобы не расхохотаться в голос, а Марта изо всех сил старалась скрыть накатывающий смех. Детективная вечеринка с «разгадыванием убийства» была традиционным рождественским событием, которое Джинни неизменно устраивала каждый год.

– Ну… в общем, я хочу, чтобы все оделись в свои лучшие наряды. Будет очень весело, обещаю! – продолжила Джинни как ни в чем не бывало.

– Нет, обещаю, не будет, – пробормотал Каллум себе под нос.

– Слышала, Марта? Никаких дырявых джинсов! – воскликнула Тутс, бросив на правнучку острый взгляд и приподняв губу.

– Ну да. А эта фиолетовая прядь у тебя в волосах, она постоянная или ее можно снять? – задумалась Джинни.

– Постоянная, – ответила Марта. По голосу чувствовалось, что она чрезвычайно горда собой. Я уже видела, как она спускается в гостиную в своих любимых джинсах с дырками в преддверии детективной вечеринки. Сто процентов, так и будет.

– Каллум тут мне сказал, как сильно любит твою стряпню, мама, – быстро переключил их внимание Майлз.

– Ха! – Фергюс наклонился к Каллуму, затем толкнул его в спину, отчего его вилка полетела в воздух. – Рассчитываешь на солидную прибавку карманных денег, малец?

Каллум всегда был очень свойским и мало кого недолюбливал. Со стороны он казался расслабленным, ибо почти лежал на спинке стула, но я чувствовала, как его недовольство поведением дядюшки проступает из каждой клеточки его тела.

Клементина подалась вперед, вынюхивая драму, как за-

правская ищейка.

– Не могу поверить, что вы больше не будете встречать с нами Рождество. Неужели не будете скучать по всему этому?

– Рождество в стране вечного лета – это так неправильно, – театрально вздохнула Джинни.

– Уверена, мы справимся, – ответила я, вновь натянув на лицо улыбку. – Может, будем устраивать барбекю на пляже.

Этот разговор им быстро наскучит, уверена.

– Но вы же приедете хотя бы на Пасху, правда? На большую благотворительную охоту за пасхальными яйцами, которую устраивает Джинни? – не унималась Клементина.

– Посмотрим. Пока что для возвращений еще слишком рано, – сказала я, тыкая вилкой в горошек на тарелке.

Джинни перевела глаза на Майлза, и в них заблестела влага.

– Может, я заеду? – сказала Марта с горящими глазами.

О боже, дай мне сил. Они мне точно понадобятся, когда в этот дом приедут все остальные. А ведь это только начало, самая спокойная часть нашего общения. Настоящий ураган начнется тогда, когда вся семья соберется вместе.

Глава 2. Безделушки, банты и потаенные обиды

Я надеялась произвести фурор этим вечером. За это отвечали серьги с кристаллами Сваровски и летящее платье изумрудного цвета, демонстрирующее мои ключицы. Я накрасила губы красной помадой и даже попыталась уложить волосы голливудскими волнами.

В этой семье необходимо выглядеть на все сто. Этот урок я усвоила на собственном горьком опыте во время своего первого Рождества с Вайсами. Тогда, к великому моему сожалению, я была уверена, что для домашних посиделок мне понадобятся исключительно вязаные свитеры и леггинсы. Тогда все закончилось тем, что на ужин мне пришлось идти в ужасном платье, которое мне одолжила Джинни, и носках,

поскольку, по ее словам, носить кроссовки – настоящее кощунство, а мои «копыта» были слишком велики для любой пары ее старомодных туфель, о чем она с удовольствием мне сообщила. Не передать словами то замешательство, в которое я впала при виде узорчатого платья из велюра, которое словно вытащили из секонд-хенда 1970-х. Майлз до сих пор не может вспоминать тот образ без смеха.

Мы вошли в отделанную деревом столовую. Отблески свечей играли на картинах маслом и начищенных столовых приборах. Майлз, как всегда, выглядел великолепно с его небрежно растрепанными темными волосами. Для вечеринки он выбрал белоснежную рубашку с расстегнутыми двумя верхними пуговицами и черные брюки. Дети надели то, что носили всегда. Уверена, они даже не брали с собой ничего нарядного. К тому же, я слишком хорошо знаю своих детей – скорее ад замерзнет, чем они оденутся во что-нибудь, что считают неудобным.

Над нами нависал большой портрет сурового мужчины. Его звали Юджин Вайс. Свет от свечей, стоявших на комоде из красного дерева прямо под портретом, отбрасывал тени на его серьезное лицо. Прямо настоящее святилище памяти человека, которого семья потеряла четыре года назад. Юджин, дед Майлза, унаследовал огромное состояние от своего отца, владельца валлийского золотого рудника, и смог утроить прибыль семейных предприятий, став единственным производителем и дистрибьютором редких ювелирных

изделий для богатейших людей в мире.

Миссис Маргарет Харлоу, или Мэдж, как ее звали в семье, главная и теперь единственная экономка в особняке, подошла к нам с серебряным подносом, полным бокалов с игристым. Два года тому назад Мэдж потеряла мужа. Поскольку у нее не было детей, Джинни настояла на том, чтобы она переехала к ним жить на постоянной основе. Миссис Харлоу согласилась на предложение и съехала из своей маленькой квартирки. Я искренне ее не понимала. Понятное дело, что каждый выбирает для себя сам, но мне сложно было представить, что кто-то по своей воле захочет жить под одной крышей с Джинни.

Миссис Харлоу одарила нас с Майлзом своей доброй улыбкой, предлагая нам взять по бокалу.

– Как я рада видеть вас обоих, – сказала она и посмотрела на Каллума и Марту взглядом, полным обожания. – Боже, как же быстро растут дети, хотя, полагаю, что не такие уж они теперь и дети…

– Мэдж, – расцеловал ее Майлз в обе щеки. – Как я рад встрече! Надеюсь, мама не сильно загоняла тебя со своими поручениями?

Экономка шутливо шикнула на него.

– Я всегда рада помогать, ты же знаешь.

Миссис Харлоу работала на Вайсов с тех пор, как Майлз и Тристан были еще совсем крохами. Немудрено, что они относились к ней как к полноправному члену семьи. Я отхлеб-

нула вина, понадеявшись, что немного алкоголя придаст мне храбрости.

В комнате уже были все члены обширной семьи Вайсов. Общались между собой они преимущественно тихим шепотом, который изредка прерывался заливистым смехом. Появилась Джинни – блистательная в малиновом платье, облегающем ее все еще завидную фигуру. Короткие серебристые волосы были уложены в элегантную прическу «квифф» с высокой челкой, а в ее ушах и на шее висела россыпь дорогущих бриллиантов.

– Вы все выглядите очаровательно! – произнесла она громко, хотя и поджала губы, увидев, в чем явились Марта и Каллум.

– Боже, Оливия, вижу, ты кое-чему научилась с того первого Рождества, – сказала Джинни с почти что одобрительным взглядом на мой образ. Я улыбнулась, чувствуя себя так же неловко, как мои двое детей-подростков. Часть меня словно взорвалась от счастья – все-таки нечасто я слышала комплименты от свекрови, поэтому в душе даже обрадовалась такому повороту. Прежде чем я успела ответить, шум в главном холле привлек всеобщее внимание. Судя по всему, прибыл Тристан – с обязательным для себя опозданием.

Первой в зал вошла Мими. Ее блестящие темные волосы идеально сочетались с нарочито шикарным черным платьем, а на голые плечи была накинута норковая накидка. Настоящая «от кутюр», по сравнению с которой я выглядела уны-

лым «масс-маркетом».

– Извините за опоздание, – громогласно объявил Тристан, – вы бы видели, что творится на дорогах!

Откинув прядь светлых волос, он сверкнул поразительно белыми и подозрительно ровными зубами. Я оглядела комнату в поисках Майлза, и наши взгляды встретились. Я посмотрела на него так, словно хотела крикнуть через всю комнату: «Ты это видел?». Он возбужденно кивнул в ответ. Похоже, у нас появилась интересная тема для приватного обсуждения.

Когда все повернулись поприветствовать Тристана и Мими, я заметила, что Глория сидит у двери, будто стражник у входа в крепость. Девочка-ретривер с золотистой шерстью смотрела на нас большими печальными глазами. Я подошла к ней и погладила по голове. Выражение ее морды полностью отражало состояние моей души в этот момент. К задней части ошейника Джинни привязала чересчур большой красный бант, который неловко болтался туда-сюда. Бедная собака то и дело встряхивала головой в надежде понять, что за чертовщина творится за пределами ее видимости. Пока никто не видит, я отцепила бант от ошейника и бросила его в ближайший цветочный горшок.

– Давай, Глорс, иди, поваляйся в тепле у камина, – прошептала я. Собаке явно эта идея пришлась по вкусу, и она, даже не взглянув в сторону вошедших гостей, пробежала к камину в соседнем зале.

Джинни распахнула объятия для Мими, одарившей ее сверкающей голливудской улыбкой с идеальными зубами. Черт возьми, когда они только успели их сделать? Украдкой взглянув на Майлза, я поняла, что он тоже это заметил.

– Ты эти зубы видел?! – прошептала я ему, и он заговорщически кивнул. Джинни перевела взгляд на Тристана.

– Бедные мои! Как жаль, что с дорогами нынче все так плохо. Я слышала, что приближается буря.

Конечно, Тристан в любом случае бы опоздал, сверкнув своими нелепыми зубами и выпалив что-то вроде «ну что за пробки?», и все равно получил бы в ответ всеобщее обожание. Если бы он задушил какую-нибудь колядницу на подъездной дорожке, пришедшую спеть рождественскую песню в обмен на угощение, то не сомневаюсь, что Джинни в ответ похвалила бы его за решительность и ярко выраженные лидерские качества. Пока они обменивались звуками по типу «муа-муа», имитируя поцелуи в щеки, я посмотрела на портрет Юджина. Его жутко реалистичные глаза смотрели на нас сверху вниз, а на губах играла легкая ухмылка.

Пока я здоровалась с каждым членом необъятной семьи Майлза, собравшейся в гостиной, и заводила с ними непринужденные светские беседы, меня не покидало ощущение, что Юджин с портрета не-усыпно следит за мной. Шампанское уже лилось рекой, и совсем скоро комната наполнилась гулом разговоров и смехом.

Джинни в роли хозяйки вечера вела себя как настоящий

профессионал – переходя от одного человека к другому, она была словно рыба в привычной ей воде. Со всей серьезностью она рассказывала о своей работе в PR-агентстве так, будто до сих пор там работает, а не ушла из конторы еще двадцать лет назад. Майлз однажды признался мне, что именно там познакомились его мать и отец. Оказывается, имя Джорджа всплыло в ходе скандала из-за фальсификации бухгалтерской отчетности на золотом руднике, и Джинни вызвали, чтобы минимизировать ущерб репутации семьи. И если честно, для меня это было куда романтичнее, чем та банальщина, которую они всем рассказывали – якобы они познакомились в клубе студентов Лиги плюща. Такая же унылая история, как и погода за окном.

А тем временем небо зловеще потемнело. Через окно я увидела, как начинают падать первые крупные капли дождя. Вспышка молнии осветила ухоженные сады, за ней последовал низкий раскат грома.

– Что у нас сегодня на ужин, мама? – прогремел Тристан.

– Увидишь! – игриво ответила она. Я почувствовала, как меня тянет к большому эркеру, где среди нарастающего шума можно было отыскать место потише.

– О чем задумалась? – Голос Майлза вывел меня из оцепенения. Он протянул мне бокал шампанского, ободряюще коснувшись моих пальцев.

– Просто любуюсь видом, – сказала я, выдавив из себя улыбку. Я не хотела говорить ему, что на самом деле зани-

мало мои мысли – что я его очень люблю, но мне бы хотелось, чтобы он оставил меня дома и я могла бы закончить свой чертов роман до наступления Рождества.

– Ну, как вы оба? – спросил Тристан, подходя ближе, держа в руке бокал с виски. Хлопнув Майлза по спине, он добавил: – Рад тебя видеть, брат.

– Тристан, – спокойно ответил Майлз. – Как сам?

– А, да все как обычно. Очень занят работой, этот год был просто сумасшедшим, – ответил он.

Его взгляд внезапно перешел на меня, а точнее, на мою грудь. В его глазах я прочла одобрение.

– Ну и ну, неужели это моя любимая невестка. Как дела, Ливви?

Майлз положил руку мне на поясницу. Смысл этого жеста я не до конца поняла. Пытается защитить? Показывает сопернику границы своей территории? Может, и то, и другое? Точно сказать я не могла.

– У меня все хорошо, спасибо, Тристан, – ответила я с улыбкой. – Смотришься, как всегда, элегантно.

Тристан усмехнулся, проведя рукой по своим идеально уложенным светлым волосам. Меня всегда поражало, что два брата – самые родные друг другу люди – могут быть примером двух совершенно разных сторон одной медали. Тристан – светловолосый, слегка полноватый – воплощал в себе все то, что сам любил считать признаками альфа-самца. Темноволосый и интеллигентный Майлз был, в свою очередь, сног-

сшибательно красив, и то, какое повышенное внимание он получал от прекрасного пола в юности, раздражало Тристана так сильно, что он поставил себе целью всей жизни превзойти Майлза во всем.

– Уже все готово к большому переезду? – лениво спросил Тристан, потягивая свой напиток и отводя взгляд, словно отмечая, что ответ его нисколько не интересует.

– Готово настолько, насколько это вообще возможно, – пренебрежительно ответила я, желая любой ценой избежать возобновления темы переезда. – Говоришь, на работе сегодня был сумасшедший день?

– Просто ночной кошмар. Большую часть года избавляемся от сотрудников, занимавшихся вопросами разнообразия, равенства и инклюзивности. Однако думаю, что основной фронт работ мы уже сделали и теперь можем заняться настоящим делом.

Краем глаза я заметила, как у Майлза дернулась челюсть.

– А где же близняшки? – быстро спросила я.

Тристан не успел ответить, как Джинни постучала ложечкой по своему бокалу.

В комнате воцарилась тишина, все взгляды обратились к ней. Она стояла во главе длинного обеденного стола, а ее малиновое платье мерцало в свете свечей.

– Пожалуйста, прошу вашего внимания, – объявила Джинни; ее голос разнесся по комнате, когда все разговоры стихли. – Моя семья, спасибо вам, что вы все прибыли

на наш рождественский ужин с детективной вечеринкой. И прежде чем мы сядем за стол, я хочу сказать несколько слов.

Публичные заявления? Что-то новенькое. У меня сжался желудок. О чем сейчас пойдет речь? Я взглянула на Майлза, однако его лицо осталось непроницаемым. А Джинни продолжила:

– Как вы все знаете, минуло четыре года с момента, как не стало нашего любимого Юджина. И хотя нам всем его очень не хватает, я знаю, что он здесь, смотрит на нас с небес.

Отец Майлза поднял взгляд на портрет, а его рука вознесла бокал к изображению отца. Какими бы ужасными ни были родственники Майлза в это время года, это было ничто по сравнению с тем, каким было Рождество, когда Юджин был жив. Возможно, для Джинни и Джорджа его смерть стала облегчением, но вместе с этим усложнила жизнь нам всем, потому что теперь они хотели (или нам так казалось), чтобы мы почаще бывали рядом. Хотя, скорее всего, они просто хотели еще больше вмешиваться в нашу жизнь.

Обведя взглядом гостиную, Джинни сделала паузу для пущего эффекта.

– И похоже, что это последнее Рождество, в которое мы сможем собраться все вместе, – сказала она, добавив голосу эмоционального надлома.

Господи, неужели она больна? Это рак? Я бы не удивилась, если бы таким драматичным образом она объявила бы именно об этом.

– Мой Майлз, – сказала она, протягивая ему руку. – Он и его семья уезжают от нас.

Майлз переминался с ноги на ногу, и все взгляды обратились к нему.

– Мам, мы всего лишь уезжаем в Австралию, не на Марс, – пошутил он. – И мы ждем всех вас в гости в любое время.

Я мысленно подавилась. Пожалуйста, не надо.

– Да… но, – сухо продолжила Джинни, – следующее Рождество будет совсем другим, в этом нет сомнений.

Лицо у нее при этом было такое, будто она только что съела лимон целиком.

– Я очень хотела, чтобы в этот раз мы были все вместе, в этот последний раз.

Тристан взглянул на Мими и закатил глаза.

– Мне хотелось, чтобы вся семья собралась в полном составе и отпраздновала Рождество, – намеренно подчеркивая свою мысль, повторила она. – Однако мой грандиозный план воплотился совсем не так, как мне того хотелось.

– Но ведь мы все здесь, не так ли? – перебил ее Фергюс, нетерпеливо ожидая, когда она наконец скажет тост, чтобы он мог спокойно продолжить пить.

– Не все, – заметила она, в ее глазах зажглась искра.

Мы все оглядели комнату, пересчитывая, кто еще не пришел. Не скрывая своего веселья, Джинни наблюдала за нами, позволив нам вариться в собственном соку. Близнецов еще не было, поэтому я могла только предположить, что она

имела в виду именно их.

– Я знаю, что это будет непросто, но Юджин Вайс, глава нашей семьи, дал мне важнейшее поручение – поддерживать славу семьи Вайс. Я отношусь к этой миссии очень серьезно. Я – связующее звено, винтик…

Внезапно Марта оказалась рядом со мной.

– Она не может быть одновременно и связующим звеном, и винтиком, – проворчала она мне в ухо. Джинни же продолжала.

– У меня особенная новость для всех вас. Если все пройдет наилучшим образом, Квентин, скорее всего, выйдет на свободу раньше. Возможно, даже сразу после Рождества, – гордо объявила она.

Мы разинули рты, безмолвно наблюдая за тем, как она торжественно поднимает бокал.

– Мне очень жаль, что не получилось сделать это раньше. Однако я надеюсь, что мы сможем сделать это Рождество особенным. За семью! – И сделала изящный глоток шампанского.

Никто не присоединился к ней, не понимая, что это сейчас было – злая шутка или правда. Вместо долгожданного глотка Фергюс взглянул на Джорджа, а затем на Джинни.

– Прошу прощения, что? – спросил он. Его щеки дрожали.

– Мой мальчик? – воскликнула тетушка Клементина. – Вы хотите сказать, что мой мальчик освободится?

– Какой он мальчик, – возмущенно плюнул Тристан. – Он

чертов преступник. Если он выйдет из тюрьмы, я не желаю видеть его рядом с моими девочками!

Его тут же настиг яростный взгляд Клементины, однако гнев с ее лица улетучился так же быстро, как и появился.

– Это то, чего хотел Юджин, – сказала Джинни, переключив по-светски вежливый голос на свой холодный деловой тон, давая понять, что принятое решение обсуждению не подлежит.

Фергюс посмотрел на Джорджа, надеясь взглядом воззвать брата к его лучшим моральным качествам. Джордж выглядел крайне разгневанным, покачал головой и отвернулся. Я поняла, что Джинни даже мужа не сочла нужным проинформировать заранее. Плечи Фергюса поникли, и он воспользовался случаем, чтобы допить остатки игристого и взять еще один бокал.

Майлз направился прямо к матери и тихо спросил:

– Ты как-то причастна к тому, что Квентин выходит раньше времени? Как ему вообще удалось так легко отделаться за содеянное?

Джинни подняла бровь и ответила коротко:

– Это был несчастный случай, Майлз. Я уже сказала, именно этого хотел дедушка.

– Ты думаешь, он бы хотел, чтобы закоренелый преступник вернулся работать на семейную шахту?

– Невозможно сказать, что подумал бы Юджин о Квентине сейчас, – пренебрежительно пожала плечами Джинни. –

Ты знал своего дедушку не хуже меня. Возможно, он даже благоволил бы к нему еще больше. Как бы то ни было, таким было последнее желание Юджина.

Вдали, как по команде, раздался низкий раскат грома, и вспышка молнии на мгновение осветила комнату. Несмотря на тепло от пылающего огня в камине, я поежилась.

– В любом случае, как я уже сказала, раньше Рождества на свободу он не выйдет, так что тебе не придется беспокоиться о том, что вы встретитесь, так? – многозначительно добавила Джинни. – Мы с Арти действительно старались изо всех сил, но, честно говоря, это просто бесконечный поток сумасшедшей бюрократии. Но хватит уже болтовни, давайте есть!

Майлз застыл на месте. Он бы, наверное, так и стоял, если бы я не взяла его за руку и не проводила к его месту за столом. Все расселись и приступили к ужину.

– Итак, – веселым тоном громко спросила Марта, – как вы думаете, кто умрет первым?

Джинни не удержалась от смешка.

– В этом году я записала имена всех присутствующих и положила их в миску. Таким образом, карточка убийцы достанется кому-то совершенно случайным образом.

– Все же знают, что я выиграю, – усмехнулся Тристан. – Я всегда выигрываю. Никто не сравнится со мной в умении лгать.

– С этим никто не будет спорить, – съязвила Мими.

Я фыркнула от смеха, но, посмотрев на выражение ее ли-

ца, поняла, что это была не шутка. Разговор шел своим чередом, несмотря на ту сокрушительную бомбу, которую Джинни сбросила в самом начале вечера. И мне ужасно хотелось поднять эту тему снова. В детали дела меня практически не посвящали, но все же мне удалось расколоть Майлза по поводу некоторых вещей, чтобы понять – произошедшее на шахте не было трагической случайностью.

Квентин Вайс, единственный сын Клементины и Фергюса, был назначен управляющим золотодобывающей шахты за несколько лет до смерти Юджина. В том, что Квентин был любимчиком Юджина, сомневаться не приходилось, ведь оба его сына – Джордж и Фергюс – вновь и вновь доказывали ему свою бесполезность, в чем он был свято уверен. Старший внук, однако, обладал многими качествами, которые ценил его дед: он был трудолюбив, прямолинеен и проявлял ко всем абсолютную безжалостность, граничащую с насилием.

За полтора года до кончины Юджина Квентин окончательно слетел с катушек. Майлз был твердо убежден, что его двоюродный брат в приступе ярости забил одного из своих рабочих до смерти. К счастью, изнурительное судебное заседание и необходимость на нем присутствовать меня миновало, но Квентина обвинили в непредумышленном убийстве на рабочем месте и нарушении закона об охране труда и технике безопасности. Дали ему всего шесть лет – на это повлияла значительная нехватка доказательств со стороны обви-

нения. Не знаю, каким образом Джинни удалось это провернуть, но Майлз так разозлился на нее, что отказывался разговаривать с ней больше года.

Когда мы уже заканчивали с десертом, появились настоящие звезды вечера – Биби и Сисси. В винтажных платьях, надев которые другие люди выглядели бы на сто лет старше своего возраста, сестры смотрелись на удивление стильно. Одарив всех присутствующих уверенными улыбками, девушки направились к Джорджу и Джинни, которые сидели во главе стола, чтобы поздороваться с ними. Каллум и Марта уставились на них с настороженным недоверием, те ответили тем же, садясь на свои места. Хотя они были кузенами, никакой братско-сестринской симпатии между ними никогда не было.

– Как дела в Оксбридже, девочки? – сияя, спросила Джинни. Это так, на всякий случай, если кому-то из нас нужно было напоминание о том, что Биби учится в Оксфорде, а Сисси – в Кембридже.

– Постоянно заняты, бабушка, – сладко ответили они. Невольно мои пальцы сжали нож так сильно, что он звучно скрипнул по фарфоровой тарелке. Не девчонки, а просто невыносимые дряни. Хуже просто не придумаешь.

– Так и должно быть! – прогремел Фергюс.

К счастью, они сели достаточно далеко от нас, а вокруг них суетилась миссис Харлоу, подавая им еду и напитки.

– И где же вы были? Почему вы так опоздали? – упрекнула

дочерей Мими. – Я весь день пыталась до вас дозвониться!

– Ты разве звонила? – с нескрываемым раздражением спросила Сисси. Наверное, это именно Сисси, хотя я не до конца уверена.

– Да, по меньшей мере несколько раз, – ответила Мими.

– Я не отвечаю на телефонные звонки, – резко отрезала Сисси.

– И как прикажешь это понимать? – съязвил Тристан. – В каком это смысле ты не отвечаешь на звонки?

– Ну ты же в состоянии напечатать в телефоне сообщение, – глупо улыбалась Сисси, не скрывая радости от появившейся в тарелке еды.

– Да, но… – начала было Мими, но была бесцеремонно перебита дочерью.

– А я умею читать, так что… В следующий раз пришли мне сообщение, – сказала Сисси, откидывая волосы с плеча.

Тристан покраснел и начал что-то говорить девочкам, что конкретно, я не услышала, потому что заговорила Джинни. Боже, ну нашла же время!

– Джордж, ты говорил с Тристаном насчет бумаг? – тихо спросила она.

– Он же только что приехал, – не скрывая раздражения, прошипел Джордж. – Когда бы я по-твоему должен был это успеть?

– Ты проговорил с ним весь вечер! – возразила она. – Что ж, обязательно обсудите этот момент как можно скорее. А

потом займись праздничными гирляндами.

– Черт возьми, женщина, дай мне пять минут покоя! – шипение Джорджа сменилось на рычание.

– Это вы о чем? – спросил Майлз.

– Я уже неделю уговариваю твоего отца повесить рождественские огоньки перед домом. Но ты же знаешь, как сложно его заставить что-либо сделать.

Джордж направил нож на Джинни.

– Скажи про эти чертовы гирлянды еще раз, и я не знаю, что с тобой сделаю.

Джинни наклонилась вперед.

– Гирлянды, – насмешливо сказала она.

– А разве у вас нет рабочего, который мог бы этим заняться? Как же его звали… Тим, нет? – вмешалась я, надеясь разрядить накаленную атмосферу.

– О, нет, Тим еще в прошлом году вышел на пенсию, – ответила Джинни, отправив в рот кусочек панакоты.

– Ты говорила о каких-то бумагах, может, я смогу чем-нибудь помочь? – спросил Майлз.

– А, ты про это? Нет, милый, – откликнулась его мать. – Всего лишь небольшая бюрократическая формальность, которую нужно уладить с нашим юристом. Тристану необходимо расставить все точки над «i» и кое-что аккуратно подправить.

– Понятно. А мне нужно что-то подписать перед нашим отъездом? – спросил Майлз. Я видела, как лихорадочно ра-

ботает его мозг. Он явно обдумывал, спросить об этом сейчас или подождать более подходящего момента. Похоже, решил не ждать.

– Нет, не переживай, в эти выходные все будет улажено. Не хотела вас ничем тревожить, я понимаю, насколько стрессовым может быть переезд. Не хотелось, чтобы к концу года оставались какие-либо незаконченные дела. А если, не дай бог, что-то случится со мной или твоим отцом, а ты будешь так далеко от нас, последнее, что ты захотел бы делать, – возиться с кучей бумажек. Тристан обо всем позаботится.

– Хорошо, – сказал он. Его лицо походило на каменную маску, а глаза были устремлены на мать.

Миссис Харлоу начала убирать наши тарелки. Джинни громко захлопала в ладоши.

– Отлично! Время для нашей детективной игры! В этом году я буду модератором.

За столом все скривились в гримасе. В первый год, когда Джинни придумала эту игру, она казалась чем-то интересным, но с тех пор такой досуг всем членам семейства успел приесться.

– Ты всегда модератор, Джинни! – фыркнула тетя Клем.

– Не будьте занудами, умоляю, – проворчала Джинни, доставая из буфета стеклянную миску. – Ну же, давайте сыграем, вдруг это и правда наш последний раз.

Она положила сложенный листок бумаги на стол перед каждым из нас.

– Теперь никакого жульничества! Никаких подглядываний в чужие листки, чтобы ускорить разгадку. Я за всеми вами слежу.

Дождь бился в оконные стекла, прерываемый потрескиванием поленьев в камине. Она снова села и надела пенсне на кончик носа.

– Так, теперь все можете смотреть! – скомандовала Джинни.

Я развернула свой листок. Неразборчивым синим почерком на нем было написано «УБИЙЦА».

Раздался гром, и свет в доме замигал.

– Мам, серьезно, ты и погоду соответствующую заранее оплатила? – расхохотался Тристан с другого края стола.

Джинни слегка улыбнулась, взяла графин с вином и подняла его вверх.

– Кто-нибудь хочет фруктового божоле, прежде, чем мы начнем?

Лежа в постели и уткнувшись носом в ноутбук, я заметила, что электрическая зубная щетка Майлза в ванной комнате жужжит существенно дольше обычного. Благодаря неожиданно искусному вранью с моей стороны, игра закончилась моей разгромной победой. Наблюдать за шоком и нескрываемым раздражением Тристана и Мими, которым непременно нужно побеждать во всем и всегда, было отдельным приятным бонусом.

– Ты там как? – спросила я.

Жужжание прекратилось, я услышала, как он сплюнул остатки пасты в раковину.

– Что, по-твоему, она имела в виду, когда сказала, что Тристан обо всем позаботится? Думаешь, она собирается вычеркнуть нас из завещания?

Майлз вышел из ванной в одних трусах. Я подняла глаза от экрана и хитро улыбнулась ему, не скрывая, что любуюсь его телом.

– Не стоит беспокоиться раньше времени, пока не узнаешь наверняка, – беззаботным тоном ответила я. – Вероятно, ничего серьезного. Наверняка очередные юридические игры с налогами.

Я постучала по его стороне кровати, приглашая присоединиться ко мне. Он подошел и сел на мою сторону, повернувшись спиной и раздраженно вздохнув. Закрыв ноутбук, я поставила его на прикроватную тумбочку. Приподнявшись на подушке повыше, начала разминать напряженные плечи мужа большими пальцами.

– Я знаю, ситуация непростая, но это типичное поведение твоей матери, когда мы приезжаем сюда, – проговорила я. – Она всегда играет в одни и те же игры – стравливает братьев друг с другом. Сначала Джорджа с Фергюсом, потом тебя с Тристаном. Уверена, мои перепалки с Мими тоже доставляют ей огромное удовольствие.

Он не удержался от смешка.

– Ты думаешь, именно это мама и делает? Или все дело в том, что вы друг друга на дух не переносите?

– Поблажек от твоей матери мне уж точно не дождаться, – усмехнулась я в ответ. – Но ты ведь не думаешь, что она и правда вычеркнет твое имя из завещания?

– Думаю ли я о том, может ли она это сделать? Или способна ли она на это? Мой ответ – да и да. Об этом я и размышляю, – ответил он.

– Неужели она сделает это только потому, что мы уезжаем в Австралию?

– Абсолютно верно. Именно потому, что мы уезжаем в Австралию. – Майлз повернулся ко мне. Его брови были нахмурены. – Лив, ты просто не понимаешь. Дело не только в нашем переезде, но и во всем остальном. Она всегда отдавала предпочтение Тристану, постоянно критиковала мои решения, не говоря уже о язвительных комментариях в сторону наших отношений. Она смотрит на меня свысока только потому, что у меня не шестизначная зарплата. А на тебя…

– Потому что я из обычной рабочей семьи и зарабатываю на жизнь написанием пошлых романов? Или потому, что не ношу дорогущую одежду и не выгляжу так, будто вот-вот отправлюсь на заседание совета директоров, как это делает Мими?

Взяв его за руку, я нежно сжала ее и продолжила:

– Я понимаю, как тебе тяжело, но твоя мать всегда такой была. Помнишь, как мы впервые поехали всей семьей

в Аспен, и Джинни только и делала, что намекала, мол, его однажды получит Тристан?

– Он его и получил, – ответил он с глубоким вздохом после недолгого молчания.

– Что?! Ты мне не говорил! – притянула я мужа к себе. – Боже, Майлз! Ты ведь так любил это местечко. Какого черта оно досталось ему? Тристан даже на лыжах кататься не любит!

Он старательно отводил свой взгляд, не желая смотреть мне в глаза. Тишина с его стороны превратилась в глухую стену между нами. Я вспомнила ту первую поездку и преследовавшее меня всю неделю страдальческое выражение лица Джинни, пока я неоднократно доказывала ей, что первоклассной лыжницы из меня не выйдет, как ни старайся. Изящество исчезло с ее лица в ту ночь, когда я немного переборщила с ирландским сливочным ликером и меня вырвало на снег за окном. И потом еще немного дома. Ладно, меня вырвало в постели, что мне теперь, на Луну переехать?!

– Она сделала это в отместку за то, что ты выбрал меня? – набравшись смелости, спросила я.

Наши глаза наконец-то встретились. В его взгляде появилась жесткость.

– Дело не в тебе, Лив. Она себя так вела со всеми, с кем я встречался…

Что ж, значит, предчувствие меня не обмануло.

– Знаю, это тяжко, – сказал он. – Но постарайся не прини-

мать все это близко к сердцу. Так было всегда – если я не выполняю ее приказы, она пытается отнять у меня все, что мне дорого. Это единственный способ удержать контроль над ситуацией, который она знает. А потом появилась ты… и я влюбился в тебя просто по уши. До нее дошло, что контроль утерян, а ей это очень не нравится.

Он наклонился ко мне, обхватил мое лицо ладонями и большим пальцем погладил щеку. От этих прикосновений и мысли о том, что мое появление в его жизни настолько вывело из равновесия его мать, по телу пробежалась волна возбуждения. Прикоснувшись к его лицу, я ответила:

– Она всегда была мастером по части манипуляций. До сих пор мы вели себя хорошо. Через две недели мы уедем на другой конец света и начнем совершенно новую главу своей жизни. Для них всех это сигнал, что мы хотим быть как можно дальше от Джинни и всей этой семейки. Если Тристану хочется провести всю жизнь, потакая мамочке в обмен на Рождество в этом доме… Что ж, удачи ему.

Поглаживая шелковистые темные волосы мужа, я улыбнулась. Он прижался ко мне, закрыв глаза и горько покачав головой.

– Как нам пережить две недели этого ада? А если говорить серьезно, как нам жить, зная, что Квентин вот-вот снова окажется на свободе?

В устах Майлза это имя звучало как название страшной болезни. Я откинула одеяло и встала с кровати. Подойдя к

двери спальни, я позволила бретельке моего пеньюара сползти сначала с одного плеча, потом с другого. Шелк соскользнул с моего тела на пол, превратившись в тканевую лужицу у моих ног.

– Как насчет поплавать?

Дьявольски довольная улыбка возникла на лице Майлза.

Глава 3. Отрицание и «Дом Периньон»

Наутро мы с Майлзом мучились от ужасного похмелья – спасибо шампанскому, которое мы благополучно стащили из холодильника у бассейна. Из-за этого на завтрак, который Джинни и миссис Харлоу организовали на огромном кухонном острове, мы опоздали на целый час. Разговоры за едой только усиливали мою головную боль, а запах бекона и жареных яиц, витавший в воздухе, явно не способствовал хорошему самочувствию. А я ведь надеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.